

мѣется Падуя; изъ писемъ Петrarки къ Донату дельи Альбанцани¹⁾ оказывается, что Боккаччо былъ у Петrarки, вѣроятно, въ сентябрѣ 1368-го года, когда послѣдній писалъ Донату, угѣшная его въ смерти сына, ссылаясь и на собственную утрату: 18-го іюля того-же года онъ потерялъ внука, Франческино. Второе письмо къ Донату, подписанное 3-мъ октября, шлетъ привѣтъ ему и Боккаччо, который «степерь съ тобою», т. е. въ Венеции.

V.

Загадочна во всѣхъ отношеніяхъ поѣзда Боккаччо въ Неаполь осенью 1370-го года; не смотря на сохранившіяся письма, намъ неизвѣстны ея поводы и непонятны результаты. Боккаччо покинулъ Флоренцію, полный *негодованія*; можетъ быть, его гуманистическая дѣятельность не находила признанія, сочувствія? Позже мы еще вернемся къ этому вопросу; но Боккаччо говорить намъ о какихъ то *домашніхъ непріятностяхъ*. Какъ въ прежніе годы, онъ могъ искать въ Неаполѣ и сочувствія и обезпеченности; между тѣмъ оказывается, что въ Неаполь онъ попалъ — *случайно*. Его старого псевдо-мепената не было въ живыхъ съ 1365-го года, но оставались другіе пріятели, являлись неожиданно и новые. Ему дѣлаютъ предложения, хотяъ его устроить на покой, онъ отказывается; во всемъ замѣтна какая-то нервная суетливость, накопленіе контрастовъ: пониженніе самомнѣніе и риторизмъ похвалъ, чувство свободы — и печальная необходимость благодарить за подаяніе, и старая обидчивость, не знаяшая мѣры укоризнамъ. Таково впечатлѣніе писемъ, относящихся къ послѣднему путешествію въ Неаполь. Боккаччо старѣется и болѣеть.

Въ Неаполѣ онъ встрѣтился съ прежнимъ знакомымъ, кото-раго зналъ еще въ молодости, Никколо ди Монтефалконе; теперь онъ былъ настоятелемъ монастыря св. Стефана въ Калаб-

1) Sen. X, 4 и 5.

ріи. Онъ увлекъ Боккачью описаніемъ прелестей своей обители, предложеніемъ пріѣхать и, коли понравится, поселиться у него; Боккаччо согласился, а аббатъ однажды ночью снялся съ мѣста и уѣхалъ одинъ, не сказавъ ни слова. Боккаччо шлетъ ему отъ 13-го февраля 1371-го года товарищески-рѣзкое письмо: Я думаль, что сѣдины и годы и болѣзни и духовный санъ устраниютъ юношескую вѣтренность и исправляютъ нравы; ты открыть мнѣ глаза: тебя не исправили ни немощи, ни морщины, ни подагра, ни незаслуженное званіе аббата, кормчаго несчастной обители. По прежнему ты падокъ на мерзости ¹⁾, такія каменные души, какъ твою, труднѣе смягчить, чѣмъ сдвинуть Этну или Пиндъ. Какимъ былъ, такимъ и остался, старикомъ; я тебя узнаю. Ты прикинешься, что не понимаешь, на что я жалуюсь; погоди, поймешь. Помнишь, какъ ласково ты встрѣтилъ меня, пріѣзжаго, давно не видѣнаго, сколько было привѣтливыхъ рѣчей и объятій? Я-бы попался, если-бы всему повѣрилъ. Что-бы сталося, еслибы ты вообразилъ, что я богатъ! Но не стану гадать, а разскажу, что было. Ты расхвалилъ мнѣ прелестное уединеніе твоего монастыря, множество книгъ, всякия удобства и мягкость климата, и вселилъ желаніе не только повидать обитель, но, въ случаѣ необходимости ²⁾, обрѣсти въ ней убѣжище, а между тѣмъ втайвѣ помышлялъ о бѣгствѣ, точно я строю тебѣ ковы. Что за дружеское довѣріе, что за чистота чувства, достойныя старика и аббата! Въ былое время, кто собирался въ дальний путь, совѣтовался съ друзьями и уѣзжалъ, все съ ними обсудивъ и попрощавшись; ты оставилъ меня, какъ воръ и обманщикъ, ночью сѣвъ на корабль, чтобыѣхать въ Калабрію. А я то, глупецъ, думаль, что ты пригласишь, станешь просить меня во имя старой школьнай дружбы ³⁾, чтобы я побылъ у тебя нѣсколько дней, порадовался твоему возвышенію, обнадежился ⁴⁾. Ты, по-

1) Illecebras.

2) Si solum necessitas exegisset.

3) Per veterem studiorum nostrorum amicitiam.

4) Et de oblatis spem firmiorem assumerem.

жалуй, читая это, разсмѣешься, скажешь: онъ видно, забылъ, что у бѣдняковъ нѣтъ друзей и богатые отъ нихъ сторонятся. Да, такъ часто дѣлаютъ люди, не знающіе ни страха Божія, ни перемѣнчивости судьбы. Такъ ты и удалился; не знаю, хорошо-ли отъ того стало твоимъ подначальнымъ, только и я не очутился въ грязи. Но я не хочу обойтись съ тобою, какъ обошелся со мною ты, заключаетъ Боккаччо, и въ концѣ сообщаетъ аббату, что папа Урбанъ V умеръ, а на его мѣсто избранъ Григорій X. Ты говоришь, что благодаря просьбамъ нѣкоторыхъ лицъ¹⁾, онъ покровительствовалъ тебѣ²⁾). Коли хочешь довести твое дѣло до конца, пріѣзжай тотчасъ-же въ Неаполь; да не забудь прислать списокъ Корнелія Тацита, который ты увезъ, дабы мой трудъ не пропалъ, да и книга еще болѣе не истрапалась³⁾.

Въ письмѣ, напоминающемъ посланіе къ Нелли, чувствуется какая-то старческая раздражительность, необъяснимая недочетами самолюбія. Если аббатъ оказался не радушнымъ къ Боккаччо, то другіе окружили его вниманіемъ. За пимъ ухаживаетъ графъ Гugo ди Санть-Северино, одинъ изъ магнатовъ королевы Джьюанны, ея главнокомандующій, человѣкъ вліятельный, любившій людей науки; тотъ самый Гugo, къ которому Петрарка направилъ знакомаго намъ «равенца»⁴⁾, котораго благодарили за хлопоты о себѣ: Гugo пытался доставить ему въ Неаполь какой-то бенефицій, но шашни придворныхъ Джьюанны разстроили дѣло⁵⁾.— Въ домѣ Гugo Боккаччо познакомился съ Пьетро ди Монтефорте, профессоромъ гражданскаго права и членомъ великаго суда; оба интересуются его Генеalogіями Боговъ, которыхъ онъ привезъ съ собою⁶⁾.— Весною 1371-го года пріѣхалъ въ Неаполь минорить Убертино

1) Dominorum de Baucio.

2) Promotorem fuisse.

3) Corazzini, стр. 257—9.

4) Sen. XI, 9. Сл. выше т. I, стр. 24.

5) Fam. XXIII, 17.

6) Сл. выше т. I, стр. 103—4.

ди Корильяно, профессоръ богословія, посланный королемъ Фридрихомъ Сицилійскимъ для заключенія мирнаго договора съ королевой Джьованной. Боккаччо съ юныхъ лѣтъ любилъ знакомиться съ достойными людьми; онъ отправился къ Убертино, стоять передъ нимъ съ непокрытой головой, смотрить, почти тельно кланяется; тотъ принялъ его съ достоинствомъ, привѣтливо, приглашаетъ сѣсть; Боккаччо слушаетъ его, и ему вспоминается разсказъ о Платонѣ и пчелахъ, приносившихъ гиблейскій медъ въ уста спящаго ребенка. Убертино жилъ у церкви св. Павла, где прежде стоялъ храмъ Аполлона, на горѣ, и Боккаччо часто хаживалъ къ нему пѣшкомъ, не смотря на свою тучность¹⁾, ибо держать лошадь не было средствъ, а Убертино увлекалъ его рассказами о Яковѣ Пиццинге, логоеѣ сицилійскаго короля, любителѣ поэзіи и поэта, что дало впослѣдствіи поводъ Боккаччо обратиться къ нему съ посланіемъ.—У него являлись и неожиданны поклонники: какой-то молодой человѣкъ, Маттео ди Амброзіо²⁾, написалъ ему восторженное письмо, полное похвалъ. Боккаччо не остался въ долгу, играетъ созвучіями Амброзіо и амброзіи: онъ не ожидалъ найти человѣка столь ученаго и краснорѣчиваго въ городѣ, издавна известномъ своею изнѣженностью и бездѣльемъ. Онъ счастливъ, что въ Италіи возрождаются наконецъ старые таланты, казавшіеся погребенными по нерадѣнію и любостяжанію, и, возлагая на юношу великія надежды, дѣлаетъ оговорки по отношенію къ себѣ. Амброзіо захвалилъ его, но онъ заблуждается, его увлекла любовь, страшная язва³⁾, совращавшая къ ложнымъ сужденіямъ боговъ и людей. Я не считаю себя человѣкомъ грубаго ума⁴⁾, но мои работы⁵⁾ не даютъ повода къ такимъ похваламъ. Или ты хочешь польстить мнѣ, чому я не

1) *Mole gravatus sorgorea.*

2) Въ рукописи, по которой я напечаталъ письма Боккаччо къ Кавальканти (*Ioannis Boccaccii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres*. Спб. 1876 г.) и варьянты которой приводятся далѣе: *Ambrasio*.

3) *Judiciis adversa lues.*

4) *Etsi omnino rudis homo non sim.*

5) *Studiorum vigilantia.*

вѣрю; мнѣ было бы больно, еслибы меня, старика, сочли податливымъ на лесть, которую я терпѣть не могъ молодымъ человѣкомъ. Забудь ее, не воздавай мнѣ хвалы, это подобаетъ лучшимъ, чѣмъ я; я приму тебя на мѣсто друга, брата, товарища; чувствуя, что твоя дружба поднимаетъ меня, и я не такъ бы восхвалилъ ея святыню, еслибы не спѣшилъ — ибо предстоитъ отъѣздъ, желанный по многимъ причинамъ¹⁾; чего не доказалъ, доскажу, Богъ дасть, когда буду покойнѣе²⁾. Письмо³⁾ подписано 12-мъ мая, *festinanter*; въ іюлѣ 1371-го года Боккаччо снова былъ въ своемъ бѣдномъ уголкѣ въ Чертальдо. Его письма отсюда доказываютъ исторію его неаполитанскаго путешествія.

21-го іюля 1371-го года онъ сидѣлъ въ отдаленной комнатѣ своего домика; незадолго передъ тѣмъ онъ прочелъ въ псалмѣ: Открываешь руку твою и насыщаешь все живущее по благоволенію (пс. CXLIV, 16), когда постучались въ дверь и ему подали письмо отъ Никколо Орсини, неаполитанскаго аристократа, военнаго человѣка, состоявшаго на службѣ королевы Джованны и папской, съ 1371 года правителя папской области⁴⁾ и гражданина Флоренціи. Какое дѣло до тебя, бѣдняка⁵⁾, одному изъ именитѣйшихъ гражданъ твоего города⁶⁾? недоумѣваетъ Боккаччо. Сѣвъ въ уголку, онъ читаетъ посланіе, тогда какъ ожидалъ письмѣца, какъ пишутъ его военные люди, и пораженъ цицероновскимъ стилемъ; стало быть, не вымерли еще ни дарованія, ни интересъ къ наукѣ древнихъ. Онъ радуется блестящему возвышенію Никколо, умѣющаго не только собирать, но и расточать, не только вспомнившаго его, но и удѣлившаго ему отъ своихъ щедротъ болѣе, чѣмъ онъ заслуживалъ и желалъ. Ему смѣшино посмотрѣть на себя: онъ бѣденъ, его слава поблекла⁷⁾, а именитые люди взыскали его своимъ

1) *Instante discessu meo, quem, pluribus impellentibus causis, cupio.*

2) *Ex quietiori loco.*

3) Corazzini, стр. 827—9.

4) *Patrimonio.*

5) *Villico homine.*

6) *Urbis suae princeps insignis*, т. е. Флоренція.

7) *Umbraculum nominis.*

вниманиемъ, тогда какъ въ лучшіе годы судьба издѣвалась надъ нимъ, покрывая его имя стигійскимъ мракомъ. Тебѣ вѣроятно известно, продолжаетъ онъ, что въ прошломъ году я, старый и хворый, предпринялъ трудное путешествіе и случайно попалъ въ Неаполь ¹⁾, но ты, можетъ быть, не знаешь, что я нашелъ тамъ, противъ ожиданія, незнакомыхъ мнѣ дотолѣ друзей, которые успо-коили меня, негодовавшаго на домашнія обстоятельства ²⁾, и дѣлали все, чтобы я тамъ остался. Пока я пребывалъ у нихъ подъ кровомъ бѣдности ³⁾, узналъ о моемъ пріѣздѣ великодушный Гуго ди Санть-Северино, твой знакомый, и по своей добротѣ, не по моимъ за-слугамъ, не только явился въ Неаполь, чтобы повидаться ⁴⁾ со мной, но и обнадежилъ меня ⁵⁾, стараясь удержать въ Неаполь на своеемъ иждивеніи, еслибъ нельзя было устроить меня иначе, и предлагалъ мнѣ то-же, что предлагашь ты. Увидѣвъ, что я твердо рѣшился, и не безъ причинъ ⁶⁾, вернуться къ себѣ, и всѣ уговоры были бы бесполезны, онъ напутствовалъ меня въ оте-чество щедрыми дарами, которыхъ я не заслужилъ. Ты знаешь, какъ такая щедрость обязываетъ; еслибъ люди всегда склонялись на дары и просьбы, я давно бы сдался на ласковые, краснорѣчи-вые уговоры Петrarки, моего славнаго учителя, которому я всѣмъ обязанъ. Я еще не зналъ Гуго, когда Петrarка просилъ меня поселиться у него; у него нѣтъ столькихъ и столь разнообразныхъ пріютовъ, какъ у Гуго, но есть убѣжище, наиболѣе отвѣчающее моимъ лѣтамъ и занятіямъ; туда онъ звалъ меня не только какъ друга и товарища, но и какъ хозяина дома и всего состоянія ⁷⁾. На-конецъ, передъ моимъ отѣздомъ изъ Неаполя свѣтлѣйшій Яковъ, король Майоркскій (третій мужъ Джьованны), велѣлъ передать мнѣ свое желаніе, чтобы я остался и провелъ безбѣдную ста-

1) Casu Neapolim delatus.

2) A quibus frenato domesticae indignationis meae impetu.

3) Sub latebra paupertatis latens.

4) Salutatum.

5) Amicis verbis spem meam prostratam evexit.

6) Non absque causa.

7) Sen. I, 5, см. выше стр. 461.

рость¹⁾ подъ сѣнью его величія, пользуясь полнѣйшей свободой²⁾). Но мнѣ казалось, что эта свобода, которую я желалъ полной, все-же будетъ связана нѣкой скрытой путь³⁾, и потому, отговорившись, какъ могъ приличнѣе, я покинулъ короля и его дары и отплылъ на родину.—Ты явился четвертымъ, послѣднимъ, съ подобнымъ же предложеніемъ, сулишь больше и болѣе подходящее старику; я отвѣчу тебѣ, какъ и другимъ: благодарностью; но въ мои лѣта человѣкъ, привыкшій къ свободѣ, не можетъ склониться подъ иго. У меня есть небольшое отцовское поле, этого хватить на скромное существованіе. Жить мнѣ осталось немного, бѣдность будетъ тѣмъ сноснѣе, что она не долго продлится, я желаю умереть на родинѣ, сложить свою перстъ рядомъ съ предками, отъ которыхъ ее получилъ. Если я измѣню своему намѣренію, ибо за будущее мы не отвѣчаемъ, я, можетъ быть, и послѣдую твоему приглашенію, хотя за другими и давность и болѣе правъ: мой наставникъ обитаетъ на евганскихъ холмахъ (въ Агруа⁴⁾), король Майорки, какъ молодой человѣкъ, жадный до новыхъ впечатлѣній, блуждаетъ по разнымъ странамъ⁵⁾, Гуго живеть въ городахъ Кампаніи; для меня старика это далеко; у тебя-же, если вѣрить твоему служителю Монте, моему пріятелю и соотчичу, есть прелестныя помѣстья на томъ мысу, который вдается въ тирренское море и, какъ говорятъ, отдѣляетъ тусковъ отъ этрусковъ. Если я могу услужить тебѣ здѣсь, я готовъ и жду приказаній. Прощай, свѣтлѣйший мужъ⁶⁾.

Къ тому-же времени относится, вѣроятно, и письмо Боккаччо къ логою Сициліи, Якову Пиццинге⁶⁾. Боккаччо не знаетъ его лично, во много слышалъ о немъ отъ Убертино ди Корильяно⁷⁾;

1) *Otiosus senium traham.*

2) *Amplissimum ultra regale manus libertati meae afferens spatium.*

3) *Quodam occulto nexu.*

4) *Maioricarum rex tamquam juvenis et novarum rerum avidus varias circuit rationes?*

5) *Corazzini*, стр. 317—321.

6) *Corazzini*, стр. 189 слѣд.

7) Сл. выше стр. 528—9.

гуманисты часто братались письмами съ единомышленниками, меценатами, съ которыми не знакомы; такъ вчужѣ завязывались связи, интересъ къ гуманизму служилъ рекомендательной карточкой, симпатіи ободряли и выражались несдержанно-реторически: корреспонденты оказывались обыкновенно гениальными людьми, цицероньянцами, грядущими поэтами. Такимъ является и Пиццинге.

Прошлой весной я былъ въ Неаполь, пишетъ Боккаччо, и колебался: меня влекла любовь къ родинѣ, которую я покинулъ осенью, *полный негодованія*¹⁾, хотѣлось повидать свои книги, несправедливо забытыя, друзей и близкихъ; съ другой стороны именитый мужъ Гуго ди Санъ-Северино, вѣроятно, извѣстный тебѣ по блестящей мольбѣ, упрашивалъ меня и настаивалъ, чтобы я остался, обѣщая обеспечить меня въ Неаполѣ при помощи ея величества, Джованни, королевы Іерусалима и Сициліи. Я былъ въ нерѣшительности, когда узналъ о прїѣздѣ Убертино изъ ордена миноритовъ, твоего согражданина. — Боккаччо разсказываетъ о своемъ съ нимъ знакомствѣ²⁾ и переходитъ, съ его словъ, къ похваламъ Пиццинге: выше богатствъ и роскоши для него слава; ему открыты божественные поэмы Гомера и Виргиля и все великое въ поэзіи, что только онъ могъ достать; самъ онъ направилъ свои стопы къ вершинамъ Парнаса, и его прельщаетъ лавровый вѣнецъ на Капитоліи. Это приготовляется насть къ панегерику поэзіи: она когда то процвѣтала, поэты были въ чести у именитыхъ людей, знаяшихъ, что въ рукахъ поэтовъ ихъ слава; поэтамъ воздвигались памятники. Все это было забыто, но есть надежда на возрожденіе; Господь, соболѣзнуя Италии, обновилъ въ новомъ поколѣніи и древнія доблести, и любовь къ поэзіи; въ Италии, въ сущности, ея искра никогда не угасала, хотя тлѣла, полуживая, съ Катономъ (Діонисиемъ), Просперомъ, Памфиломъ, Арригетто, пока не воспрянула съ

1) Indignans.

2) Сл. выше стр. 528—9.

Данте и Петраркой¹⁾). Я присоединилъ бы къ нимъ и третьяго моего согражданина, Заноби да Страна, который, отложивъ школьную ферулу, сгорая желаніемъ славы, добился почестей, можетъ быть, и не заслуженныхъ²⁾; богемскій Цезарь (Карлъ IV), презрѣвъ древній обычай, возложилъ на него лавровый вѣнокъ, не римскій, а пизанскій, а онъ, удовлетворившись тѣмъ, что нѣсколько его стихотвореній понравились одному человѣку, впослѣдствіи какъ бы устыдился оказанноей ему почести, поѣхалъ въ западный Вавилонъ, соблазненный золотомъ, и тамъ замолкъ. Такъ какъ онъ немного потрудился для поэзіи и вовсе не принесъ ей славы, Боккаччо считаетъ возможнымъ опустить его³⁾; его надежда—на Пиццингѣ: пусть только трудится, онъ прославитъ Мессину, какъ Феокритъ Сиракузы, и Италия возликуетъ. Посмотри на нее и посѣтуй, я обращаюсь съ той-же просьбой ко всѣмъ итальянцамъ: что стало съ имперіей, съ Римомъ, когда-то властителемъ народовъ, теперь коснѣющими подъ гнуснымъ иломъ фарисеевъ! Памятники его военной славы, его законы, которыми когда-то повиновался міръ, слава философовъ и лавровые вѣнки его поэтовъ, которыми наши предки превзошли даже Грецію, священная свобода—все это забыто, либо взято у насъ чужеземцами и искажено. Всего не вернуть, но ты обновишь блескъ поэтическаго имени, и Римъ снова предстанетъ варварамъ съ печатью прежняго величія, а я, величая тебя, воспою:

Jam virgo rediit, redeunt saturnia regna.

Ты ожидаешь, быть можетъ, что я скажу нѣсколько словъ о себѣ, ибо и я порой занимался поэзіей. Признаюсь тебѣ, не безъ краски стыда, въ моемъ ничтожествѣ⁴⁾). Съ большой отважностью⁵⁾ я вступилъ на торный путь, съ жаждой славы, въ надеждѣ на своего вождя-учителя; я шелъ по слѣдамъ тѣхъ-же,

1) См. выше стр. 77—8.

2) Nescio utrum.... satis meritos.

3) См. выше стр. 171.

4) Ignaviam. .

5) Ingenti.... animo.

что и ты, но дозволяя себѣ увлекаться домашними и общественными дѣлами, меня пугали вершины, уходившія выше неба, и я слабѣлъ, падаю духомъ, отчаяваясь достичнуть цѣли, отсталъ, уже состарѣвшись, отъ руководителей; что всего хуже, не въ силахъ ни вернуться, ни идти впередъ. Такъ, если не случится чуда¹⁾, я завѣщаю могилѣ, вмѣстѣ съ тѣломъ, и безславное имя.

Когда Боккаччо писалъ это, онъ былъ искрененъ: подобные выходки противъ себя обусловливались не только моментами находившаго на него сомнѣнія, но и сознаніемъ, что талантъ не отвѣчалъ въ немъ жаждѣ знанія, настойчивости труда²⁾. А между тѣмъ онъ все шелъ впередъ, къ нему тянулись молодыя гуманистическая силы. Колуччо Салутати пишетъ ему 21-го января 1372-го года, извиняясь, что долго не отвѣчалъ, пораженный смертью любимой жены; посыаетъ свою эклогу, гдѣ подъ классическими именами проводилось «богословское ученіе» о благодати—и проситъ его указаній: продолжать ему или нѣть; посыаетъ ему Клавдіана и проситъ Макробія, котораго въполномъ видѣ никогда не читалъ³⁾.

Еще одно письмо Боккаччо, отъ 5-го апрѣля 1372-го года⁴⁾, относится къ его неаполитанскому путешествію: письмо къ Пьетро ди Монтефорте, которымъ мы отчасти уже воспользовались⁵⁾. Онъ познакомился съ нимъ недавно⁶⁾, и они вступили въ переписку, но одно письмо Монтефорте привело Боккаччо въ восторгъ: онъ перечитываетъ его, хвалить стиль «своего учителя»⁷⁾, который снизошелъ до того, что назвалъ его своимъ—другомъ. Особливо понравилась Боккаччо строгая отповѣдь Монтефорте какому-то хулиганю поэзіи. Онъ самъ боролся за нее, защищая ее въ своихъ Генеалогіяхъ Боговъ; о нихъ онъ и заводить рѣчь. Оказывается,

1) *Ni nova desuper infundatur gratia.*

2) Сл. выше стр. 56, 58.

3) *Novati*, I. c., I. III, ер. 8, стр. 156—7.

4) *Corazzini*, стр. 349 слѣд.

5) Сл. выше т. I, стр. 103—4.

6) Сл. выше стр. 528.

7) *Preceptor meus.*

Монтефорте стала ихъ глашатаемъ, ревностно, всѣми способами¹⁾, распространяя славу Боккаччо. Онъ попалъ въ уязвимую точку: всѣ мы влечемся жаждой славы²⁾, сказалъ Цицеронъ; Боккаччо недоставало глашатая³⁾, и онъ нашелъ его въ лицѣ такого человѣка, какъ Монтефорте. Какъ не восторгаться — и какъ не убояться: вѣдь облако, слишкомъ заряженное, разряжается скопотечнымъ лучемъ,— и его нѣть. Хвали меня поменьше; пожелай мнѣ скорѣе умереть въ неизвѣстности, но спокойно, чѣмъ взобраться на вершину, чтобы бурные вѣтры снесли меня. — Ты пишешь, что съ моего согласія прочель мою книгу (*Генеалогій*), и хвалишь меня, что я не замедлилъ ее обнародовать. Это не совсѣмъ такъ. Я привезъ съ собой мою книгу, товарища въ путешествіи⁴⁾, не затѣмъ, чтобы ее обнародовать; я не считалъ ее готовой, хотѣлъ удалить кое-что, что казалось мнѣ непристойнымъ⁵⁾, украсить, на сколько возможно, стиль. Въ тѣ дни, когда мы съ тобой впервые познакомились, помню, что въ бесѣдѣ съ тобой и Гugo да Санть-Северино, я выразилъ желаніе, чтобы ты просмотрѣлъ мой трудъ, но затѣмъ оставилъ это намѣреніе, испугавшись твоихъ знаній и строгой критики, и тебѣ книги не посыпалъ, какъ ты утверждаешь по забывчивости, и ни съ тобою, ни съ кѣмъ другимъ не говорилъ о томъ болѣе, рѣшившись не показывать своего труда, пока не исправлю, что мнѣ казалось необходимымъ. Случилось, незадолго до моего отѣзда, какъ—не помню, что Гugo увидѣлъ мое твореніе и выпросилъ его на время, чтобы списать; я не могу ни въ чемъ отказать ему, но уступилъ неохотно, видѣть Богъ, причемъ Гugo обѣщался не давать никому своего списка, не внеся въ него исправленій, какія я укажу. Не знаю, какимъ образомъ дошли до тебя тѣ слова и попала къ тебѣ моя книга, и если сѣтую, то не на то, что уви-

1) *Tuis insuper sumptibus?*

2) *Trahimur omnes studio laudis.*

3) *Promulgator egregius.... preco diligentissimus.*

4) *Peregrinationis meae socium.*

5) *Quasdam notas, ut rebar, illecebres.*

дѣлъ ее ты, которому я охотно открылъ бы свою душу, а что вышла она раньше времени, ибо въ ней многое слѣдовало бы сократить, прибавить и еще больше измѣнить. — Такихъ исправленій Боккаччо ждетъ отъ своего пріятеля; экземпляра Генеалогій, который тотъ переслалъ съ нѣкимъ Джьованни Латинуччи, онъ еще не получалъ обратно, потому и не знаетъ, что тамъ отмѣтилъ, читая, Пьетро; въ письмѣ къ Боккаччо онъ только выражалъ желаніе, чтобы его книга была переработана въ болѣе христіанскомъ смыслѣ. Правда, она говоритъ о предметахъ чуждыхъ христіанству, отвѣчаетъ авторъ, но она постоянно преизноситъ его, протестуя противъ языческаго суевѣрія; если, впрочемъ, таково сужденіе Пьетро, пусть онъ и другіе достойные люди исправлять, что неладно; обѣ этомъ онъ молить, просить, этого онъ требуетъ.

Письмо переходить къ другимъ литературнымъ вопросамъ; въ ихъ центрѣ стоитъ Петрарка. Пьетро былъ большими его поклонникомъ и недоумѣвалъ, почему онъ такъ долго держитъ у себя свою «Африку», которую всѣ ждали съ нетерпѣніемъ. И я нерѣдко тому дивился, отвѣчаетъ Боккаччо, но какъ многіе именитые люди древности, ты и самъ испыталъ, что такое звѣстъ, и поймешь, почему человѣкъ благоразумный страшится выступить съ трудомъ, надъ которымъ долго работалъ и который дорогъ ему. Петраркѣ постоянно приходится бороться противъ недоброжелателей: Боккаччо упоминаетъ его инвективу противъ врача, его письмо къ Боккаччо по поводу флорентійскихъ зоиловъ, язвительно разбирающихъ отрывокъ Африки ¹⁾, его передѣлки съ венецианскими аверроистами, вызвавшими его отповѣдь «о своемъ и чужомъ невѣжествѣ» ²⁾. На него, на его стихотворенія нападали, и онъ защищался, перо уставало отвѣтывать разнымъ галламъ и другимъ. Теперь онъ состарѣлся и самъ усталъ; онъ не критики боится, а мелочныхъ непріятностей

1) Сл. выше стр. 463.

2) Сл. выше стр. 502.

борьбы, и предполагает посвятить остатокъ дней внутреннему совершенствованію.—Мнѣ могутъ сказать, что моя защита учителя падаетъ на меня самого обвиненіемъ, ибо я пишу и обнародываю свои писанія слишкомъ часто и неосмотрительно и непрощенно. Я принимаю упреки, но эта тупость во мнѣ простиительна: бѣднякъ и ночью безопаснѣе отъ нападеній, чѣмъ богачъ днемъ и въ сопровоженіи многихъ; съ моей скромной репутацией¹⁾ уживаются и пороки, на его блестящая слава видно было бы и пятнышко.

Пьетро говорилъ также и о томъ письмѣ Петrarки, гдѣ онъ корилю Боккаччо за сожженіе стихотвореній, за нежеланіе быть третьимъ въ союзѣ итальянскихъ поэтовъ²⁾). Оно дошло до Неаполя, какъ расходились вообще и читались письма Петrarки, адресованныя частнымъ лицамъ; Пьетро имъ недоволенъ, оно кажется ему слишкомъ язвительнымъ³⁾, и Боккаччо защищаетъ своего учителя: его укоры справедливы, они обращены были не на кого либо другого, а на меня; известно, что къ любимымъ сыновьямъ, любимымъ ученикамъ относятся строже; напротивъ, Петrarка пощадилъ его, обращаясь въ письмѣ какъ бы къ неизвѣстному лицу. Но Пьетро, очевидно, склоненъ обобщить язвительность письма къ невыгодѣ Петrarки, говорить о ка-

1) Famae meae tenuitas.

2) Сл. выше стр. 500 слѣд.

3) Titulum quem mordacem arbitrari videris epistolae scilicet a me (?) scriptae contra appetentiam primi loci etc. quaeso non adeo severe dictum putes.—A me, очевидно, описка. Мы сказали въ другомъ мѣстѣ, что письма Петrarки ходили по рукамъ, какъ трактаты на общія темы (сл. выше стр. 112); такъ и въ данномъ случаѣ: письмо надписано было contra appetentiam primi loci, и адресовать забыть на столько, что Боккаччо долженъ указать на себя: in me dictum est, non in alios, et si quid austерitatis habet, in me iniecta est, eo quod, ut percipere potes ex littera, cum in primum locum pervenire non possem, non sufficientibus ingenii viribus, ardens mea vulgaria et profecto juvenilia nimis poemata dignari visus sum in secundo (Corazzini: in hoc), uti meo convenienti ingenio consistere? Сл. далѣе въ томъ же письмѣ: Si dicas: quid ergo ad infinitam personam videatur dirigere? Patet liquido, ut mitius imbecillis ego austерitatem castigationis reseperim.

комъ-то его писанію о невѣжествѣ и надменности молодого поколѣнія¹⁾.

О такомъ труде Боккачъю ничего не слышалъ, а теперь спѣшить заявить, что Петрарка всегда хвалилъ въ современникахъ все выдающееся; если Пьетро попадалось что-либо въ другомъ родѣ, то не все слѣдуетъ понимать дословно, и ты знаешь, въ какомъ смыслѣ²⁾. Надменныхъ неучей много; ты самъ недавно уличалъ одного изъ нихъ — словами; почему-бы Петраркѣ не дѣлать того же писаніемъ? Итакъ, если тебѣ случится прочесть что-либо въ этомъ родѣ, знай, что писано это о такихъ людяхъ, не о тебѣ и тебѣ подобныхъ. Но обѣ этомъ въ другой разъ³⁾.

Въ заключеніи письма Боккачъю обѣщаетъ побудить Петрарку сообщить что-нибудь изъ своей Африки; если не будетъ какой помѣхи, онъ самъ думаетъ въ концѣ апрѣля или началѣ слѣдующаго мѣсяца отправиться въ Падую, и если чего добьется, то напишетъ. А теперь прощай, дорогой другъ, поклонись нашему общему пріятелю, почтенному Анджело да Равелло⁴⁾.

Обѣщаніе Боккачъю съѣздить къ Петраркѣ въ апрѣль или маѣ 1372-го года въ связи съ письмомъ послѣдняго⁵⁾ позволяетъ намъ заключить, что поѣзда эта дѣйствительно состоялась. Съ 1370-го года Петрарка переселился въ Агкуа'у, подъ Падуей, где ему привольнѣе жилое подъ сѣнью дѣйствительно образованного властителя, Франческо Каррара. Поѣзда Боккачъю была какая-то спѣшная, торопливая; какъ всегда, его тянуло къ старому пріятелю, онъ живеть его интересами, дѣлится съ нимъ жалобами — и не можетъ долго у него ужиться. На этотъ разъ онъ скрывается отъ него почти тайкомъ; пишетъ Петраркѣ изъ Чертальдо; тотъ долго молчалъ. Слѣдующее его письмо⁶⁾

1) *Contra ignorantiam atque arrogantiam modernorum.*

2) *Cum effectu* (*Corazzini: affectu*) *verba intelligenda sint.*

3) *Sed de hoc alias.*

4) *Magistro.*

5) *Sen. XV, 8.*

6) *L. c.*

относить къ концу 1373-го либо началу слѣдующаго года; вѣроятнѣе пріурочить его къ апрѣлю или маю 1373-го: Петрарка пишетъ, что не станетъ говорить пріятелю о своихъ планахъ за послѣдній годъ; это не указаніе-ли на посѣщеніе Боккаччо ровно годъ назадъ, въ апрѣлѣ или маѣ 1372-го года? Петрарка не отвѣчалъ потому, что былъ занятъ и за множествомъ начинаній ничего не дѣлалъ; это, впрочемъ, его обычное извиненіе, но есть и другое: съ Боккаччо удалилось отъ него и здоровье, старость питаетъ болѣзнь; онъ чувствуетъ, что ему не выздоровѣть, и не обращается къ врачамъ, потому что по прежнему имъ не довѣряетъ. Письмо содержитъ указаніе на утраченный для насъ трудъ Боккаччо: оказывается, онъ выступилъ въ защиту Петрарки противъ его зондовъ, венецианскихъ аверроистовъ. Ужъ не сомнѣнія-ли Монтефорте побудили его къ тому? «Объ этомъ въ другой разъ» читаемъ мы въ его письмѣ къ Монтефорте; это какъ бы указаніе на задуманную отповѣдь¹⁾, за которую Петрарка благодаритъ: его порадовала преданность друга, его благородный гнѣвъ, ему нравится его стиль и мысли, но противники всего этого недостойны, или слишкомъ ничтожны. Какой-то Лоренцо, человѣкъ, какъ ты говоришь, ученый, сказывая тебѣ, что лишь только я узналъ о приговорѣ надо мной, я воспыпалъ гнѣвомъ и отвѣчалъ. Лоренцо, очевидно, не знаетъ моего характера, его обманули; я не выходилъ изъ себя, а посмѣялся, и лишь уговоры и жалобы Донато побудили меня, годъ спустя, взяться за перо отъ скучи и бездѣлья, когда я медленно поднимался вверхъ по теченію По. Къ зависти я привыкъ съ юныхъ лѣтъ, огрубѣль къ ея уколамъ. — Я радъ, что ты вернулся по добру по здоровью, но признаюсь, твой тайный отѣзду огорчили меня; я опечаленъ, упрекаю самъ себя, чуть не плачу. Прощай.

---

1) Сл. выше 539.